

VIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС КОПТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

VIII Международный конгресс коптских исследований состоялся в Париже с 28 июня по 3 июля 2004 г. Его заседания проходили в Институте искусства и археологии Сорбонны и в Католическом институте. Такие Конгрессы проводятся с 1976 г. один раз в четыре года в странах, где существуют центры коптских исследований. Предыдущие Конгрессы проходили в Вашингтоне, Риме, Варшаве, Лувене-ля Нёв, Мюнстере. Предпоследний VII конгресс состоялся в Лейдене в 2000 г. Парижский конгресс оказался, возможно, самым представительным: в его работе участвовало около 300 ученых из Австрии, Австралии, Бельгии, Великобритании, Германии, Греции, Египта, Израиля, Испании, Италии, Канады, Нидерландов, Польши, России, США, Франции, Финляндии, Чехии и других стран. Русская делегация состояла из семи человек (Москва, Санкт-Петербург) и оказалась более представительной, чем на прошлом Конгрессе. К открытию этого научного форума были приурочены три выставки: “Коптская живопись Египта”, которая прошла в египетском культурном центре, где были выставлены эскизы Пьера Лаферьера, который уже более четверти века занимается реставрацией настенной живописи в монастырях Египта; “Христианские страницы Египта. Коптские рукописи”¹, проходившей в крипте отдела рукописей Парижской национальной библиотеки, и “Египет: перипетии истории”, состоявшейся в Institut du Monde Arabe. Большая подготовительная работа была проведена организационным комитетом Конгресса под председательством Мишеля Тардьё (Коллеж де Франс, Париж) и прежде всего секретарем Конгресса Анн Будор (SNRS, Париж). В рамках Конгресса состоялось 15 пленарных докладов и работало более 10 секций по различным областям современной коптологии (археология и история искусства, гностицизм и манихейство, документальные источники, копты и мусульмане, монашество, литература и история, литургика, история науки, современность, магия, богословие).

Во вступительном слове председатель Международной ассоциации коптских исследований (IACS) Тито Орланди напомнил о пути, пройденном Ассоциацией с середины 1970-х годов, о несомненных достижениях коптологии за последние годы, а также о ее перспективах и задачах. Одной из основных научных проблем остается работа по исследованию коптских версий библейских текстов и подготовке полной сводной версии коптской Библии. Было также отмечено смещение интереса исследователей от “классических” исследований коптской литературы и текстологии (которые, впрочем, плодотворно развиваются) к проблемам изучения коптской ментальности, истории и богословия коптской церкви, к социологическим и гендерным исследованиям. Было отдельно отмечено создание новых центров коптских исследований (например, в Австралии) и новых периодических изданий (например, ежегодник *Sortis*, выходящий с 2001 г. в Лос-Анджелесе). Характерно, что, особо отметив двух русских исследователей, О. фон Лемма и А.И. Еланскую, Т. Орланди тем не менее не назвал Россию в перечне стран, где существовали или существуют научные центры коптских исследований. В этом, впрочем, нет ничего удивительного. Несмотря на то что в российских библиотечных и музейных собраниях (в Москве и Санкт-Петербурге) содержатся коллекции коптских рукописей и произведений искусства, а ряд русских исследователей известен за рубежом полноценного центра коптских исследований в России до сих пор не создано.

Исследования по гностицизму и манихейству уже давно и прочно вошли в разряд коптологических дисциплин. Связано это прежде всего с тем, что ряд важнейших источников по этим религиозно-философским учениям поздней античности (например, гностические тексты Наг-Хаммади или манихейский трактат “Кефалайя”) сохранились только в коптских пе-

¹ По материалам этой выставки к открытию Конгресса был выпущен каталог.

реводах. В докладе о состоянии исследований по гностицизму Ж.-Д. Дюбуа (SNRS, Париж) коснулся четырех аспектов: проблем различных дефиниций гностицизма, последних исследований текстов из Наг-Хаммади и проблем идентификации учения двух гностических сект – валентиниан и сифиан. М. Тардьё (Париж) в докладе о манихействе помимо обзора наиболее важных работ, вышедших с 2000 по 2004 г., остановился на проблемах методологии манихейских исследований и интерпретации сохранившихся текстов.

Наиболее обширной областью изысканий в области христианского Египта являются археологические исследования и изучение коптского искусства. В докладе о христианской археологии Египта П. Гроссман² (Афины/Каир) сделал краткий обзор современного состояния изучения наиболее известных центров (Абу Мина, Вади Натрун, Фаюмский оазис, Антинополь, Сохаг, Асуан и др.). Уже традиционно в рамках коптологических конгрессов делаются сообщения о последних достижениях (в основном археологических) в исследованиях христианской Нубии. Парижский конгресс в этом смысле исключением не стал – в докладе В. Годлевского (Варшава)³ “Нубийские исследования, 2000–2004” было рассказано о последних важных открытиях в Судане, относящихся к позднеантичному и средневековому периоду. Интересные находки были сделаны в ходе раскопок Банганарти, расположенного в 8 км к югу от Донголы. При обследовании Нильской долины, начиная с Третьего порога до Карима, а также в районе Четвертого порога было идентифицировано несколько новых мест, относящихся ко времени возвышения царства Макурия и к более позднему периоду. Однако, как было отмечено докладчиком, раскопки в Банганарти и Донголе на сегодняшний день являются самыми важными. Доклад К. Иннеем (Лейденский университет) “Коптское искусство, успехи в исследованиях и проекты по сохранению памятников” был посвящен главным образом обзору крупных проектов по исследованию и реставрации таких известных центров коптской цивилизации, как монастырь св. Антония, св. Павла Фивейского, район Сохага (монастыри Шенуте), Вади-Натрун (Скит), Наклун, Баут и др., в том числе проект по реставрации коптских икон. В докладе Д. Беназе (Лувр, Париж) речь шла о музейной деятельности по каталогизации и экспонированию предметов коптского искусства. Приятно отметить, что в библиографическом обзоре Д. Беназе учла и русские публикации последнего времени (шесть статей из сборника *Coptica Hermitagiana*, вышедшего в 2000 г. в Санкт-Петербурге⁴).

В пленарных докладах об эпиграфических и папирологических исследованиях последних лет Ж. Ван дер Влие (Лейденский университет) и Т. Вилфонг (Мичиганский университет)⁵ помимо обзора наиболее важных публикаций отметили важность эпиграфических и папирусных текстов при реконструкции разных сторон жизни в византийском и раннеарабском Египте. Важными областями современной коптологии являются палеографические и кодикологические исследования рукописного материала. В докладе, посвященном этим сюжетам, А. Будор⁶ обратила внимание на постепенное накопление данных, которые в перспективе могли бы послужить основой для более точных датировок и локализации коптских рукописей. Так, было отмечено, что расстановка или отсутствие диакритических знаков (которое раньше обозначалось как “нестандартное”) могло бы выявить особенности различных скрипториев. В качестве несомненного прорыва в кодикологических исследованиях была названа монография С. Эммеля, посвященная литературному корпусу Шенуте, где было реконструировано и детально описано около 100 кодексов, т.е. десятая часть всех рукописей, которые насчитывала библиотека Белого монастыря в XI в.

Большую область, и хронологически, и по объему сохранившихся текстов, охватывают копто-арабские исследования: в сферу их компетенции входит период времени после арабского завоевания Египта, когда копты начинают постепенно переходить на арабский язык в качестве разговорного и литературного. В своем докладе М. Свенсона (Семинар Лютера,

² К сожалению сам П. Гроссман не смог прибыть в Париж. Доклад был зачитан Ц. Флюк.

³ Пользуясь удобным случаем, выражаем сердечную благодарность проф. В. Годлевскому за предоставленный нам текст его пленарного доклада.

⁴ К сожалению, в библиографии не указано, что статья Б.А. Тураева “Коптские ткани в Государственном Эрмитаже” является переизданием. Не отмечена также обширная библиография работ, посвященных коптской коллекции Эрмитажа.

⁵ Доклад Ж. Ван дер Влие был посвящен исследованиям христианской эпиграфики как в Египте, так и в Нубии. Доклад Т. Вилфонга был зачитан Е. Болман.

⁶ Доклад включал обзор исследований, начиная с 1996 г., поскольку на Лейденском конгрессе 2000 г. доклад о коптской палеографии не был поставлен в программу.

Сен-Пол, США) отметил, что копто-арабские исследования последних лет были не столь плодотворными, как в предыдущий период (1996–2000), когда удалось опубликовать критическое издание трактата аль-Мутаман ибн аль-Ассала “Majmu ‘usul al-din”. Однако он указал, что успешно продолжают исследования средневековых греко-копто-арабских *scalae*, различных аспектов жизни Коптской церкви в XVII–XIX в. (модели патронажа, реставрации церквей, икон, рукописей и др.), вопросов исламизации сельских районов Египта в VI–XI в. и других проблем. В качестве перспективного направления исследований докладчиком было выделено издание параллельных версий одного источника (в частности, коптских арабских и эфиопских) на примере издания гомилии о церкви в Габаль аль-Теир, атрибутированное Тимофею Элуру.

Не стоит, пожалуй, говорить о том, сколь важным для понимания социальной и религиозной истории византийского Египта является изучение монашества. Д. Бракке (Блумингтон, США), сделавший пленарный доклад по итогам изучения этого сюжета в 2000–2004 гг., отметил, что, несмотря на усилившийся в последние десятилетия интерес к истории египетского монашества, в отличие от эпиграфики или коптской лингвистики, отдельной дисциплины, целиком посвященной этой теме не существует. Изучение монашества остается своеобразной “точкой пересечения” интересов различных ученых: историков, филологов, папирологов, археологов и богословов. В отличие от доклада на Лейденском конгрессе, почти целиком посвященного различным аспектам социальной истории египетского монашества⁷, Д. Бракке сосредоточился на вопросах интеллектуальной и гендерной истории. Значительная часть доклада была посвящена обзору исследований о двух видных представителей египетского монашества – Евагрии Понтийском и Шенуте, – которые, несмотря на их различия (Евагрий – типичный эллинизированный интеллигент, а Шенуте – наиболее яркий носитель “коптского начала” в монашеском движении), оказались в стороне от основного русла монашеских исследований и только в последние десятилетия стали пользоваться повышенным вниманием со стороны ученых. Основной проблемой в изучении личности и творений Евагрия последних лет является соотношение философской составляющей его учения и той аскетической практики, в которой она осуществлялась. Одни ученые подходят к решению этого “разделения”, считая, что Евагрий соединял умозрительные построения с аскезой, формируя холистический дискурс “единого созерцания всего”. Другие, опираясь на построения известного исследователя неоплатонизма Пьера Адо, полагают, что Евагрий действовал по известной парадигме позднеантичной философии, где интеллектуальная рефлексия, по сути, и является своеобразной аскетической практикой. Исследования личности и творений Шенуте базируются в основном на изучении его литературного корпуса и концентрируются на расшифровке различных символов его языка (метафора “города”, понятия “семьи”, “чистоты”, “нечистоты”, “великой Церкви” и др.), исследовании риторических приемов, с помощью которых он создает новую идеальную “реальность”, социальной истории (режим питания в монастырях Шенуте их социальная организация и др.). На примере исследования эпистолярного наследия преемника Шенуте Бесы было продемонстрировано, как совершенно бесполезные для изучения социальной истории тексты (напластования различных библейских цитат) могут быть очень полезны для изучения методов конструирования социальной и гендерной идентичности в ту эпоху. В заключение Д. Бракке поведал о некоторых интересных тенденциях последних лет: фактический отказ от поиска единого русла монашеской духовности, интерес к различным “традициям” внутри обширного поля монашеской традиции, индивидуализация этого феномена (“Антоний, Шенуте, Пахомий, Евагрий типичны только по отношению к самим себе”) и др.

Если на прошлом Конгрессе в Лейдене доклад о коптской литературе был в основном сосредоточен на проблеме классификации жанров⁸, то доклад С. Эммеля (Мюнстер), сделанный в Париже, очертил основные задачи изучения этой области коптологии, проиллюстрировав некоторые из них результатами исследований последних лет. По-прежнему актуальными остаются вопросы публикации и перевода коптских литературных текстов, совершенствования

⁷ См.: *Wipszycka E. Les recherches sur le monachisme égyptien, 1997–2000 // Coptic Studies on The Threshold of a New Millenium: Proceedings of the Seventh International Congress of Coptic Studies (Leiden, 27 august – 2 September 2000) / Ed. M. Immerzeel, J. Van der Vliet. Leuven; Paris; Dudley, MA, 2000. 2. P. 833–853.*

⁸ К сожалению, этот доклад Ю. Хорна не вошел в опубликованные акты Лейденского конгресса.

методики их изучения, уменьшении значительного числа нераспознанных фрагментов, выявления наиболее значимых текстов для истории коптской литературы и наконец продвижения исследований по составлению полноценной “истории коптской литературы”. Успехи по “редуцированию” нераспознанных фрагментов были показаны С. Эммелем на примере изучения так называемого “Берлинского Евагелия” (или “Евангелия Спасителя”), к которому, как выяснилось, относится еще несколько известных “заново обнаруженных” фрагментов. Комплекс вопросов, связанный с литературным качеством отдельных коптских произведений и вопросами герменевтики, был продемонстрирован на примере так называемого “Панегирика Макария, епископа Ткоу”, который ныне активно изучается. Наконец, значимость отдельных авторов была показана на примере Руфина, епископа Шотепа, репутация которого как “коптского автора” весьма сомнительна, и Шенуте, который по мнению С. Эммеля, наоборот, является мерилем коптской литературы, и все остальные произведения на этом языке должны быть соотносены с ним, если не в терминах прямого влияния, то в эстетических категориях. В докладе Т. Баумайстера (Майнц), посвященном истории и историографии египетского христианства было указано, что современные научные изыскания в области истории Церкви уже не ограничиваются исследованиями о епископах, соборах, великих богословах или проблемами взаимоотношений Церкви и государства: исследователи пытаются привлечь во внимание и социологически значимое множество так называемых “простых верующих”. Поэтому увеличивается число публикаций, исследующих вопросы благочестия, менталитета и социальной истории.

Последние достижения в области коптской лингвистики были продемонстрированы в докладе В.-П. Функа (Квебек), а Х. Бракман (Бонн) показал диапазон современных исследований в области изучения коптского богослужения. Уже давно не секрет, что данные литургии могут с успехом привлекаться для решения проблем в смежных областях (культурные влияния, ментальность, библейская текстология, хронология и т.п.).

Сообщения, сделанные на секции “Гностицизм и манихейство”, были посвящены различным аспектам изучения текстов из Наг-Хаммади и их сравнительному анализу с библейскими источниками, гностицизму сифиан, исследованию манихейских псалмов. Е. Смагина (Москва) в своем сообщении выдвинула интересное предположение о том, что слово *Sarakōtōn*, вынесенное в заглавие манихейских псалмов, следует трактовать как “сорок”, согласно их предполагаемому числу.

Секция “Археология и история искусства” была на Конгрессе самой многочисленной. Весьма разнообразной была и тематика сообщений: это и презентации последних археологических находок в Египте и Судане, рассказ о реставрационных проектах, исследования коптских тканей, орнаментальных мотивов, изделий из бронзы, икон, предметов из дерева и многое другое. В рамках данной секции сделали сообщения и три участника из России: О. Ошарина (Санкт-Петербург) “О назначении позднеантичных завес”, О. Лечитская (Москва) “Шелковая ткань с изображением торжественного въезда императора: проблемы иконографии и датировки”, А. Горматюк (Москва) “Напластования на поздних коптских иконах”.

Сообщения секции “Документальные источники” были в основном посвящены презентациям коллекций из различных музейных, университетских и монастырских собраний Бельгии, Испании, США, Норвегии, лексикологическим и эпистографическим исследованиям, а также изучению коптской керамики. Секция “Мусульмане и копты” оказалась достаточно многочисленной. Здесь были представлены различные аспекты истории и литературы арабского Египта: исламизация, эллинистические и римские мотивы в Фиваиде VIII в., христианские паломничества и святые места, “коптский Каир” в XIV в., апокалиптическая литература коптов в арабский период, “коптский вопрос” в идейных построениях исламских реформаторов в 10-х годах XX в., антикоптская кампания 1938 г. и многие другие. Секция “Монашество” подтвердила некоторые положения доклада Д. Бракке – из 17 заявленных сообщений 7 были так или иначе посвящены Шенуте: “Александрийское богословие в пустыне: Шенуте как автор, переводчик и писатель” (К. Шрёдер, Итака), “Шенуте как ересиолог” (М. Мусса, Вашингтон), “База данных рукописей трудов Шенуте, сохранившихся в Парижской национальной библиотеке” (Ж.-Л. Фор, Париж), “Новые данные о конгрегации Белого монастыря” (Б. Лейтон, Йельский университет, США), “Писания Шенуте как исторический источник для понимания организации в киноии” (Р. Шмурло, Варшава), “Проблемы понимания так называемого Жития Шенуте” (Н. Любомирски, Хейделберг), “Цитаты из неканонических библейских книг у Шенуте” (Дж. Тимби, Вашингтон). Другие сообщения охватывали широкий спектр исследований по монашеству. М. Малева (Льеж) проанализировал различные сообще-

ния источников о нагоде монахов-пустынников и показал, что помимо наготы реальной в текстах нагота представлена символически (например, символ невинности человека до грехопадения и др.). А. Войтенко (Москва) исследовал два противоположных мотива в “Житии св. Онуфрия Великого” (“внутренняя” пустыня как образ рая обретенного и одновременно рая потерянного) и предположил, что подобная амбивалентность может быть связана с противоречивой ситуацией последней четверти IV в., когда в определенных монашеских кругах идеалом считался анахоресис во “внутренней” пустыне, а в реальной аскетической практике уже доминировали более умеренные и более социальные формы. В сообщении Т. Тола (Лейден) были подведены предварительные итоги его работы по реконструкции рукописной традиции “Жития св. Макария Египетского” (коптская, сирийская и арабская версии). А. Хенейн (Афины) проанализировал многочисленные греческие заимствования, встречающиеся в коптской версии “Жития св. Антония Великого”. А. Хосроев (Санкт-Петербург) в сообщении “Существовала ли дверь в кельях пахомианских монахов?” показал, что под термином “дверь” следует понимать циновку, закрывающую вход в монашескую келью. Д. Бумажнов (Санкт-Петербург/Тюбинген) в сообщении “Visio Dei у св. Павла из Таммы” попытался на примере описания видения Бога у св. Павла из Таммы поставить вопрос о его прямых и косвенных источниках, выявить его связь с александрийской традицией visio Dei и наметить перспективы использования полученных данных в исследованиях предыстории споров между так называемыми “оригиенистами” и “антропоморфитами” в нижнеегипетских монастырях в конце IV в. Интересным было сообщение Д. Джонсона (Вашингтон) “Положение пахомианских монастырей при Юстиниане”, который постарался разобраться в довольно непростом богословском “ландшафте” монастырей Верхнего Египта, отраженных в проповедях их лидеров (апы Моисея, Манассии, Аполлона, Авраама) и установить связь между пахомианской традицией VI в. и другими монастырями Верхнего Египта. В докладе А. Крислипа (Гавайи) был предложен оригинальный взгляд на интерпретацию “демона уныния” в раннемонашеской традиции, а Ф. Сслев (Миннесота) предложил сравнительный анализ темы уединения, благочестия и самостановления человека в Aporhēgmata Patrum и гностическом “Евангелии Фомы”. Объединенная секция “Литература и история” включила в себя обширный диапазон проблем: исследования апокрифической литературы, библейских текстов, датировка “Панегирика апы Макария из Ткоу”, чудеса и “женская тема” в агиографических текстах и др.

Небольшая по числу участников секция литургики тем не менее смогла охватить ряд принципиальных тем: методика работы с литургическими текстами, до сих пор используемыми в богослужении (А. Будде, Бонн), изучение коптских лекционариев (Д. Атанассова, Зальцбург), музыка (М. Кун, Лейден; М. Гаттас, Каир).

На закрытии Конгресса Т. Орланди отметил, что этот научный форум продемонстрировал несомненный прогресс в продвижении коптских исследований за последние годы и улучшение их качества. Следующий Конгресс было решено провести в 2008 г. в Каире.

А.А. Войтенко